

18+

Наталья Гализина

СЕРЫЕ ТУМАННИКИ

Наталья Гализина

Серые туманники

<https://litres.ru/74285884>

ISBN 9785007075237

Аннотация

Он — колдун и вождь клана Бурого медведя. Она — Гладь амазонок, заставляющая мужчин ходить на цепях. Чтобы украсть королеву врага, Алишер позволяет себя схватить. Но Эйлис не становится трофеем. Даже потеряв клан, она мечтает лишь о мести и побеге. Однако победитель хочет не смерти, а сломленной воли. Тёмная игра, где ставка — не любовь, а власть над тем, кто никогда не подчинится.

Содержание

СЕРЫЕ ТУМАННИКИ	5
Глава 3. Алишер попадает к амазонкам	41
Глава 4. В плену у амазонок	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Серые туманники

Наталья Гализина

© Наталья Гализина, 2026

ISBN 978-5-0070-7523-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРЫЕ ТУМАННИКИ

РОМАН

Аннотация

Алишер никогда не проигрывал. Вождь Серых Туманников, могущественный колдун, он привык брать то, что хочет. И когда он узнаёт о существовании клана амазонок, где мужчины — лишь рабы и племенные самцы, он решает украсть их королеву.

Эйлис, Гладь Волчьего лона, привыкла повелевать. Она никогда не встречала мужчину, который смотрел бы на неё без страха. Но этот пленник — не тот, за кого себя выдаёт. Она не знает, что он — колдун, что он пьёт её зелье, не морщась, что он играет с ней в опасную игру.

Когда его магия возвращается, он усыпляет её и уносит сквозь серый туман в свой замок. Теперь она — его пленница. На шее — кожаный ошейник. В душе — ненависть.

Алишер не хочет просто уничтожить её. Он хочет сломать её волю. Сделать так, чтобы она сама пришла к нему. И когда он сжигает Волчье лоно, оставляя от её клана только пепел, Эйлис понимает: ей некуда возвращаться.

Но можно ли завоевать сердце той, которую ты ли-

шил всего?

Пролог

Туман над степью никогда не рассеивался.

Он приходил с реки каждое утро — тяжёлый, молочный, холодный. Он окутывал замок, делал голоса глухими, а фигуры людей — размытыми,

похожими на призраков. Серые Туманники не разгоняли его. Они дышали им. Для чужака этот туман был помехой. Для них — домом.

Говорят, в древности, когда боги ещё ходили по земле, один из них влюбился в смертную женщину. Она была прекрасна, но жестокосердна. Она требовала от него доказательств силы. Тогда бог разорвал небо и землю, создав между ними щель — серую, зыбкую, пахнущую грозой. Он шагнул в эту щель и исчез. А когда вернулся, держал в руках сердце убитого им брата. Женщина засмеялась и сказала: «Ты достоин меня». Они стали жить вместе, и от их союза родились дети, которые умели проходить сквозь туман, как их отец. Они называли себя Серыми Туманниками.

Так гласит легенда.

А правда была куда проще.

Люди, жившие в этой суровой земле, научились выжи-

вать там, где другие погибали. Они открыли в себе магию — древнюю, дикую, текущую в крови. Они могли приказывать огню, воде, земле и воздуху. Могли усиливать свои тела так, что становились быстрее ветра и сильнее медведя. Могли шептать в чужие головы, вселяя страх или надежду. А главное — они могли исчезать в сером тумане и появляться там, куда хотели.

Их боялись соседи. Их уважали. Их ненавидели. Но никто не смел трогать.

Их вождь носил имя Алишер. Он был огромен — даже среди своих воинов он возвышался на голову. Смуглая кожа, чёрные волнистые волосы до плеч, карие глаза, в которых не было тепла — только выжженная степь, готовая разродиться грозой. Его тело покрывали татуировки — древние руны, пульсирующие в такт сердцу. Они давали ему силу, которой не было ни у кого в этом мире.

Он был молод, но мудр. Жесток, но справедлив. Его клан процветал, соседи платили дань, враги боялись даже произносить его имя вслух.

Алишеру не хватало только одного. Жены.

Не пленницы, не случайные женщины на одну ночь. А жена — та, кто родит ему наследника. Сильного, высокого, с правильным огнём в глазах.

Он искал её долго. Объездил все соседние кланы, смотрел на дочерей вождей, на сестёр, на племянниц. Ни одна не подходила. Слишком слабы, слишком низки, слишком про-

стоваты. Ни одна не могла дать его сыну той крови, что была нужна.

Но судьба готовила ему встречу.

За Синими горами, где никогда не было зимы, в тёплой долине, где из земли били горячие источники и цвели дикие розы, жил клан женщин, которые не знали над собой мужской власти. Они называли себя амазонками. Их вождь носила титул Гладь, и имя её было Эйлис.

Она была красива — белокожая, русые волосы до пояса, голубые глаза, холодные, как лёд на вершинах Костяных гор. Жестокая, властная, агрессивная. Она правила своим кланом железной рукой, и мужчины в её земле ходили на цепях.

Алишер ничего не знал о ней.

Судьба свела их в ту ночь, когда на небе не было луны, а серый туман за клубился над рекой.

Эта история о любви, о власти. О том, как два мира столкнулись и не могли не разбиться вдребезги.

О нём. О ней. О выборе, который каждый из них сделал. И о цене, которую они за это заплатили.

Часть первая. АМАЗОНКИ.

Глава 1. Клан Бурого медведя Костёр в огромном камине догорал.

Алишер, вождь клана Бурого медведя, сидел на троне, на котором лежала медвежья шкура, положив руки на подлокотники. Он смотрел на тлеющие угли, и отблески пламени плясали на его смуглой коже.

Вождь был огромен — даже среди рослых воинов его клана он возвышался на голову, а то и на две. На груди и руках перекачивались тугие мышцы, покрытые татуировками. Они были не просто рисунками — они дышали.

Грудные руны «Клык рода» пульсировали в такт сердцу. Руны на предплечьях — «Пламя и Лёд» — слабо светились оранжевым и синим,

потому что Алишер злился. Слишком долго не было вестей от его лучшего разведчика Барса.

Чёрные волнистые волосы лежали на плечах тяжёлой волной. Иногда вождь откидывал их резким движением головы — и тогда в свете камина вспыхивали его карие глаза.

Замок клана возвышался на невысоком, но крутосклоном холме в той точке, где река Туманная делала широкий, плавный изгиб. С двух сторон холм защищала вода — здесь всегда было сыро и ветрено, и по утрам над рекой поднимался густой, молочно-белый туман, давший имя этим землям.

Вокруг — бескрайняя степь. До самого горизонта тянулись ковыльные волны, переливающиеся серебром под ветром. Где-то далеко-далеко, на краю земли, темнела узкая полоса леса — туда лесорубы ходили за брёвнами для построек

и дровами. Тропа к лесу была наезжена и охранялась дозорными, потому что в чаще водились медведи и дикие кабаны.

Степь же давала клану рыбу из реки, дичь — дроф и сайгаков — и свободу. Свободу видеть врага издалека и встречать его лицом к лицу, без страха засады.

Сам замок был сложен из серого дикого камня, добытого в недалёких холмах. Стены — толстые. Вокруг внешних стен был выкопан глубокий ров, заполненный водой из реки. Через ров перекидывался деревянный подъёмный мост — единственный путь внутрь.

За стенами располагались: большой и малый дворы, жилые башни для семей воинов, кузница, конюшни, склады и главное здание — Замок Вождя.

Это было гордое и суровое строение, крепко вросшее в холм, как старый зуб в дёсны. Здесь не было изящной резьбы или цветных стёкол. Здесь всё дышало силой и надёжностью.

Замок клана Бурых медведей не кричал о своей силе. Он дышал ею тихо, как зверь перед прыжком.

Воины клана умели брать стихии за горло.

Воины призывали огонь — он вырывался из ладоней не как беспорядочное пламя, а как послушный клинок, режущий воздух с сухим треском и

ловили стрелы на лету, останавливая их невидимой стеной из воздуха, и стрелы вязли в этой пустоте, как мухи в

смоле.

Они умели шептать в чужие головы.

Алишер мог посмотреть на врага — и тот вдруг бросал оружие. Не потому, что боялся вождя. Потому что в его голове только что прозвучал голос собственной матери, которая умерла двадцать лет назад. И воин падал на колени, рыдая, пока сын Бурого медведя проходил мимо. Или наоборот: вождь клал руку на плечо своему воину, и тот чувствовал, как в груди разливается жар. Страх уходил. Усталость таяла. Внутри загоралась уверенность: «Я бессмертен. Я порву любого». И с помощью этой магии могли общаться на расстоянии.

Но главное хранила их кожа.

Татуировки воинов клана Бурого медведя не были украшением. Они были запертой молнией, мышцей, которую тренировали века.

На груди Алишера пульсировали руны «Клык рода» — сила предков. Каждый вождь, носивший их до него, не умер — он остался в татуировке. Их ярость, их мудрость, их боль — всё жило в этих линиях. Когда Алишер убивал, он делал это не один. С ним была сотня мёртвых вождей, которые сжимали его кулак изнутри.

На спине висала «**Спираль вечности**» или «**Возвращение домой**». Если рана была смертельна, спираль начина-

ла крутиться. Она стягивала плоть, сшивала вены, затыкала дыры. Тело воина помнило, каким оно было целым, и возвращалось к этому каждый раз. Алишер выжил там, где другие умирали сто раз.

На руках, от запястья до локтя, горели **«Пламя и Лёд»** — управление стихиями. Они слабо светились оранжевым и синим, когда вождь был спокоен, и вспыхивали алым, когда гнев брал верх.

На шее — тонкая вязь **«Тихий вздох»**, магия сна. Он усыплял жертву одним лёгким движением руки.

Руны жили. Когда Алишер гневался, они темнели, становились алыми. Когда исцелял раны **«Плетением плоти»** — зеленели, как трава после дождя. Когда засыпал — мерцали бледно-голубым, как светлячки в траве.

Без татуировок воин Бурого медведя был просто сильным человеком. С ними — полубогом.

И была ещё одна магия — та, за которую враги называли их призраками.

«Шаг сквозь ничто».

Когда воин клана хотел исчезнуть, он не бежал. Он останавливался, смотрел в одну точку — и вокруг него начинал густеть воздух. Сначала появлялась дымка — лёгкая, едва заметная. Потом она сгущалась в туман: серый, тяжёлый, холодный, пахнувший мокрой землёй и чем-то далёким, как рассвет перед бурей. Туман клубился, обвивал тело, закры-

вал лицо, плечи, руки. И в этом тумане воин переставал быть человеком. Он становился тенью среди теней.

Удар сердца — и туман исчезал. Воина не было.

Он появлялся в другом месте. На вершине скалы. Внутри вражеского шатра. Позади заслона. Всегда там, куда пожелал. И всегда — в полной тишине. Ни звука, ни ветерка, ни хлопка. Просто был — и нет.

Это была не магия расстояния. Это была магия иного пути. Воин выходил из мира на секунду — в щель между миром живых и тем, который спал внутри каждой капли дождя, каждого зеркала, каждого вдоха. И возвращался в другом месте. Там, где уже был. Или где видел через чей-нибудь взор.

Воины умели брать с собой в туман других. Один вздох — и он обхватывал добычу руками. Другой — туман поглощал их обоих. Третий — они уже в его шатре, на мягких шкурах, а пленница не понимала, как оказалась в тысяче вёрст от дома.

Но были и ограничения.

Нельзя было перенестись сквозь заговорённые стены — древние руны, нанесённые на камень, блокировали серый туман. Нельзя было увести тяжёлый отряд — больше трёх человек, и риск застрять в «ничто» между мирами становился смертельным.

И нельзя было колдовать, если кровь отравлена.

Яд — даже слабый — путал путь, искажал восприятие, делал магию непредсказуемой. Туман мог выбросить колдуна не туда, куда он хотел, или не выпустить вовсе. А магия сна... от яда она отказывалась сразу.

Разум, затуманенный отравками, не мог сосредоточиться на чужой воле.

Нужно было время, чтобы организм сам избавился от яда. И только тогда магия возвращалась полностью — ни раньше, ни позже.

И ещё — нельзя было перенестись туда, где ты никогда не был. Нужно знать место хотя бы по рассказам или видеть его в зеркальной глади воды.

Но Алишер всегда знал, куда идти. Он чувствовал путь — так же твёрдо, как чувствовал свой порядок в клане.

А порядок этот был незыблем.

Женщины клана Бурого медведя не смели поднять глаз на вождя. Это было правило древнее, чем татуировки на его груди. Старше, чем замок у реки Туманной. Мужчина в клане — ось мира. Его слово — закон, его кулак

— суд, его воля — ветер, который гнёт деревья. Женщина — тень. Она ходит за мужчиной, дышит его воздухом, согревает его ложе и молчит, когда он говорит.

С детства девочек учили: ты не воин. Ты не охотник. Ты не маг — магия течёт только по мужской линии, и никто не знает почему. Девочки могли только быть целительницами.

Доля женщины — котёл, игла, ткацкий станок и дети. Хорошая жена рождает мужу сыновей. Чем больше сыновей — тем больше уважения. Родила трёх — можешь сидеть у костра первой среди других жён. Родила одного — работай вдвое, чтобы заслужить право поднять голову. Родила одних дочерей — муж отвернётся. Найдёт другую, а тебя отправит в младшие жёны, к самому дымному очагу.

Женщины в клане Бурого медведя не берут в руки оружия. Даже на охоте

— только мужчины. Даже когда враг у ворот — женщины прячут детей и стариков в подземные схроны. Их дело — выжить, чтобы родить новых воинов, если эти погибнут.

Они не сидят на Совете. Их голос не слышен, когда решают, идти ли на войну или заключать мир. Самые мудрые старухи могут шепнуть совет сыну или внуку — но только если он сам спросит. А он спросит редко.

Женщины не перечат. Если муж ударил — значит, была за что. Если муж взял вторую жену — значит, первая плохо старалась. Если муж продал дочь в соседний клан за трёх овец — значит, овцы нужнее, чем дочь.

Жестоко? Возможно.

Но так держится порядок. Мужчины — стена. Женщины

— фундамент. Стена видна всем, по ней бьют враги. Фундамент молчит в земле. Но без него стена рухнет.

Иногда, глубокой ночью, когда костры догорают и мужчины храпят в своих домах самые молодые и глупые из женщин шепчутся у воды. Они смотрят на луну и спрашивают друг друга: «А что, если бы мы были как те, за горами? Слышала, там женщины...»

Но старшие тут же обрывают их:

— Молчи. Лучше не говорить об этом. И разговор умирает, не родившись.

А наутро всё возвращается на круги своя. Мужчины берут в руки оружие, женщины — ложки у котлов и ткацкие станки. Порядок, установленный веками, не терпит сомнений.

Алишер смотрел на угли костра и думал о своём.

Отец учил его: *«Женщина — это сосуд. Хороший сосуд не звенит. Хранит то, что в него налили, и не протекает. Плохой сосуд разбивают и выбрасывают».*

Алишеру это правило никогда не казалось жестоким. Это казалось правильным. Мир держится на сильных плечах мужчин. Женщины — их тихая награда. Их отдых. Их тепло.

Но для вождя существовало особое правило — древнее, как сам клан.

Алишеру, как и всем вождям до него, запрещалось иметь больше одной жёны. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Старейшины объясняли это просто: две жены — два сына от разных матерей. Два наследника. Две партии. Две женщины, которые будут шептать своим мальчикам: «Ты должен править, а не твой брат». И когда старый вождь умрёт, клан расколется надвое. Брат пойдёт на брата с мечом. Степь zalётся кровью.

Так уже было. Один раз. Триста лет назад. И с тех пор — закон: у вождя одна жена.

Поэтому вожди клана Бурого медведя выбирали спутницу жизни тщательнее, чем оружие перед великой битвой.

Они смотрели на её мать — если та была здорова и плодovита. Смотрели на её отца — высок ли он, широк ли в плечах, долго ли прожил. Смотрели

на её бёдра — достаточно ли широки, чтобы выносить крупного ребёнка. Смотрели на её зубы, на её волосы, на её ногти. Они искали не красоту — искали кровь. Кровь, которая подарит клану наследника. Кровь, из которой вырастет следующий вождь — высокий, сильный, с могучими плечами и стальным взглядом.

Кровь, которая не опозорит род.

Отец Алишера выбирал его мать три года. Объехал семь

кланов, смотрел на два десятка девушек. Взял ту, у которой дед был ростом в два метра и прожил восемьдесят лет. И не прогадал — Алишер родился огромным, даже по меркам клана. В три года он был ростом с пятилетку. В десять — гнул подковы. В восемнадцать — убил первого медведя голыми руками.

«Видишь, сын? — говорил ему отец перед смертью. — Правильный выбор

— это всё. Один раз ошибёшься с матерью своих детей — и клан получит хлипкого правителя, которого сожрут соседи».

Алишер помнил эти слова.

Но помнил и другое: что закон об одной жене не запрещал вождю наслаждаться другими женщинами.

Пленницы — вот удел вождя в тёмные ночи. Взятые в бою девушки из враждебных кланов, купленные на южных рынках рабыни. Они согревали ложе вождя, ублажали его, исполняли любые прихоти. А наутро их уводили обратно в свои хижины для прислуги.

Рожать им от вождя не позволяли. Никогда.

Перед близостью женщина получала от старой жрицы Вивьен чёрную чашу. Зелье было горьким, пахло полынью и чем-то металлическим. Оно не давало семени прижиться, делая лоно бесплодным на несколько дней. Ни одного бабстарда от вождя не родилось за триста лет. Ни одного вне-

брачного сына, который мог бы претендовать на власть.

— Это не жестокость, — учила жрица. — Это милосердие. Бастард — это вечный враг законного наследника. Мы не даём ему родиться, чтобы он не умер от руки брата через двадцать лет.

Так делали все вожди. И рождались от законных жён сильные, высокие воины — прямые наследники, которые сразу было видно.

Алишер возвышался над любым воином в клане на голову. Шире в плечах. Тяжелее в кости. Сильнее в захвате. Даже Турган, которого боялись соседи, рядом с вождём казался просто крупным мужчиной — не более.

Алишер был вождём. И это читалось в каждом сантиметре его тела, в каждой татуировке, в каждом взгляде.

Его отец был таким. Дед — таким. Прадед — таким. И его сын будет таким.

Но для этого нужен был правильный выбор. Одна женщина. Один шанс. Одна кровь, которая не подведёт.

Поэтому Алишер до сих пор не был женат.

Ему было тридцать два года. В его возрасте отец уже имел двухлетнего сына — самого Алишера. Но вождь медлил. Перебирал. Искал. Ни одна из женщин клана не подходила — слишком слабы, слишком низки, слишком простоваты. Пленницы? Они годились только для ночи, не для жизни.

«Я найду, — думал он, глядя на угли костра. — Я найду

ту, которая родит мне достойного сына. Сильного. Высокого. С правильным огнём в глазах».

Он не знал, что судьба уже готовила ему встречу.

И что та, кто родит ему наследника, носит не юбку, а доспехи. И правит кланом, где мужчины ходят на цепях.

Вошёл Турган — правая рука вождя. Он подошёл к Алишеру и поклонил голову в знак приветствия.

Если вождь возвышался над всеми, как скала над равниной — огромный, смуглый, с тяжёлым взглядом, от которого холодело в животе, — то Турган был другим. Не меньше ростом — почти догнал Алишера, всего на палец уступая, — но в нём не было той давящей, ледяной мощи, которая заставляла людей опускать глаза. Турган был живым. Горячим.

Вспыльчивым. Таким, кто сначала бьёт кулаком по столу, а потом думает.

Ему было тридцать лет. Широкие плечи, мощная грудь, руки толщиной в брёвна — такие, что любой камень треснул бы от его удара. Но при всей своей силе он не был грубым. В его чертах читалась порода: прямой нос, чётко очерченные губы, сильная челюсть. Симпатичный — так сказали бы женщины в лагере, если бы им позволили говорить вслух. И некоторые говорили. Шёпотом. У воды. Когда мужчины не слышали.

Волосы у Тургана были короткими — так он сам стриг их тупым ножом, не заморачиваясь. Чёрные, жёсткие, чуть выующиеся на затылке. Они всегда были слегка растрёпанными. Но главным в Тургане были его глаза. Тёмно-карие, почти чёрные, живые и быстрые, они горели — когда он видел врага. Женщины тонули в этих глазах. Боялись признаться, но тонули.

Татуировки покрывали его тело, но не так плотно, как у Алишера. Меньше рун, больше рисунков — воинских знаков, звериных пастей, молний. На спине — огромный бурый медведь, стоящий на задних лапах, с раскрытой пастью. Шерсть медведя была выбита чёрными и коричневыми линиями, глаза — двумя каплями синей краски. Медведь словно вырывался из спины Тургана, готовый растерзать любого, кто встанет на пути.

На груди — волк, бегущий сквозь пламя. Над ним — три руны: «Сила»,

«Ярость», «Защита». Руны были старыми, ещё от отца Тургана, который погиб в битве с Лютыми людьми, когда сыну было десять.

На руках — от запястий до локтей — вились змеи. Тонкие, чёрные, с чешуёй, прорисованной до мельчайших деталей. Змеи обвивали его предплечья, сворачивались в кольца на локтях и кусали собственные хвосты. Это был знак бесконечности. Бесконечной верности клану.

Бесконечной ярости. Бесконечной жизни в бою.

Турган одевался просто, без роскоши вождя. Кожаные штаны. Тяжёлые сапоги с железными носками — чтобы бить врага в пах, когда меч занят. Пояс с топором — его любимое оружие. Двуручный, с широким лезвием, на котором была выцарапана надпись: «Последнее слово».

Когда Турган смеялся — а он смеялся часто, громко, раскатисто, — весь замок слышал. Когда он злился — земля дрожала. Он мог одним ударом расколоть каменную глыбу, а мог нежно обнять плачущего ребёнка, которого нашёл в разорённом селении.

Он не был красавцем в привычном смысле. Слишком суровы черты, слишком груб подбородок, слишком тяжела челюсть. Но в нём было что-то настоящее, живое, что притягивало людей. Воины шли за ним в огонь и воду. Женщины смотрели вслед, когда он проходил мимо.

Алишеру доверял ему как брату. И он знал: пока Турган рядом, клан не падёт.

— Барс ещё не вернулся? — спросил он у Тургана.

— Нет, вождь, — ответил Турган.

И в этот миг раздались гулкие шаги по каменному полу.

Глава 2. Клан Железной волчицы.

Барс — лучший разведчик клана, бесшумная тень, умев-

шая становиться невидимой даже в чистом поле, — вошёл в зал так, что Алишер и Турган замерли.

Он не шёл — он вваливался. Тяжело, волоча ногу, цепляясь здоровой рукой за косяки. Был видно, что у него почти нет сил.

Барс упал на одно колено перед вождём, и звук был глухой и мокрый — потому что левое колено больше не сгибалось. Вместо кожи на ноге — запёкшаяся корка крови, потрескавшаяся и чёрная.левой руки почти не было: она висела плетью, держась на лоскутах мышц, и каждый шаг заставлял её раскачиваться, как сломанную ветку на ветру.

Лицо пересекал свежий шрам — от виска до подбородка, такой глубокий, что в полумраке зала было видно, как пульсирует обнажённая челюстная кость.

Алишер медленно поднялся.

Он не спешил. Не вскочил, не закричал. Вождь поднимался тяжело, как просыпающийся медведь — и в этом было больше страшного, чем в любом крике. Татуировки на его правой руке засветились зелёным — мягким, травяным, живым. Он запустил магию исцеления, то, что старейшины называли «Плетение плоти».

Вождь мог исцелять не только себя, но и своих воинов. Главное — сделать это вовремя. До того, как душа покинет тело.

Алишер опустил на корточки перед Барсом, положил

ладонь на его изуродованное лицо.

Кожа начала стягиваться. Медленно, сантиметр за сантиметром, края шрама поползли друг к другу, смыкаясь, срастаясь, затягиваясь новой, розовой плотью. Покалеченная рука зашевелилась — сначала судорожно, будто не веря, что ей позволено жить, потом увереннее, принимая привычную форму. Кости вставали на место с тихим хрустом, который отражался от каменных стен. Сухожилия натягивались, как струны.

Колено согнулось, разогнулось, согнулось снова — проверяя, слушается ли.

Там, где не было кожи, появилась новая — бледная, но целая.

Барс стал прежним. Красивым, смуглым, широкоплечим мужчиной с тёмными волнистыми волосами, падающими на плечи. Татуировки на его теле, такие же, как у всех воинов клана, пульсировали слабым светом, восстанавливая последние силы.

Он глубоко вздохнул — впервые за много дней полной грудью. Больше не хрипел. Он поднялся сам, без помощи, и только покачнулся чуть-чуть, привыкая к телу, которое снова стало его собственным.

— Говори, — велел Алишер. Голос его прозвучал глубоко, как удар в барабан. — Что с тобой стряслось?

— Это не Лютые люди с севера, вождь. Не Горные тролли,

— ответил Барс. Его голос всё ещё дрожал — не от боли, от того, что он видел.

— Клан Железной Волчицы? — Алишер поднял бровь.

— Да, вождь. За Синими горами. За перевалом, где вечный снег. Мы были правы. Амазонки хуже зверей.

Барс сглотнул. И когда он заговорил снова, его голос дрогнул — впервые с той минуты, как Алишер знал его. А знал он Барса двадцать лет — с

детства, с первой охоты, с первой крови. Барс не боялся ни медведя, ни смерти.

Он говорил, и по мере того, как слова лились из его пересохшего рта, в зале становилось всё тише.

Он рассказал, как пересёк Хребет Ветров через северную седловину — три дня подъёма по камням, где каждый шаг мог стать последним, два дня спуска по осыпям, где ноги скользили по мокрому сланцу. Как за горами нашёл долину, которой не могло быть — тёплую, зелёную, цветущую, с травой по пояс и цветами, каких не видели даже на южных торговых путях. Как шёл на пар, поднимающийся из земли — горячие источники грели долину изнутри, делая её вечным летом среди снежных вершин.

Он рассказал, кто там жил.

— Женщины, вождь, — продолжал Барс, и его голос стал глуше, будто он боялся, что его услышат те, за горами. —

Сотни женщин. Те самые Железные волчицы. Сами они зовут себя амазонками. У них крепость на холме — из дерева и костей. Стены в два человеческих роста, с башнями, где стоят арбалетчицы. Внутри — шатры, очаги, алтарь из чёрного камня в виде волчьей головы.

Барс замолчал. Его дыхание стало прерывистым.

— А вокруг, вождь, мужчины, — сказал он. — На цепях. На ошейниках с шипами. Как скот. Они пашут землю, таскают камни, копают канавы.

Худые, грязные, битые, с пустыми глазами — такими пустыми, что в них не отражается даже небо. Я видел одного — он улыбался, таская бревно.

Улыбался без причины, вождь. Его разум умер, а тело ещё работало.

— Но есть и другие, — добавил он, помолчав. — Ухоженные. Их кормят лучше, они выполняют работу по дому, как наши женщины. А ещё — удовлетворяют амазону в постели. По доброй воле или нет.

Турган сжал кулак так, что кости хрустнули.

— А когда женщине пора зачать, — Барс отвернулся, будто ему было стыдно произносить это вслух, будто сам факт того, что он видел это, осквернял его, — его ведут к ней в шатёр. Перед этим тщательно моют. Если он не хочет, дают

зелье. Мужчина возбуждается, теряя волю.

Женщина садится сверху и получает всё, что ей нужно. И так — ночь за ночью — пока не забеременеет. Если же он соглашается сам — а такие есть, сломленные, кто уже не помнит, что значит быть мужчиной, — он может сделать это по своей воле. Если позволит хозяйка.

— Детей забирают сразу, — продолжал Барс. — Мальчиков — выкидывают в лес. Если выживут — хорошо. Нет — так тому и быть. Себе их не оставляют. Чтобы у какой-нибудь женщины не проснулись материнские чувства. Девочек — в воительницы. С трёх лет учат стрелять и рубить головы. Я видел девочку лет пяти. Она таскала за собой игрушечный топорик и резала им траву, представляя, что это шеи врагов.

Алишер слушал молча. Его лицо не изменилось. Но татуировки на груди потемнели, стали алыми — «Клык рода» пульсировал гневом.

— Их глава, — голос вождя стал тише. Такие вопросы он задавал только перед охотой на опасного зверя, когда каждый вздох нужно было взвесить на весах. — Кто она?

— Гладь, так они её называют, вождь. Её зовут Эйлис. Высокая, кожа светлая. Грудь большая, полная. Волосы русые, длинные, но она их заплетает в косы. Глаза голубые, как лёд на Костяных горах. Красивая, чертовка.

Барс перевёл дыхание. В зале стало совсем тихо. Даже угли в камине перестали трещать.

— Как меня поймали, — начал Барс. — На перевале.

Две дюжины амазонок — в кожаных доспехах, с арбалетами, с ожерельями из волчьих клыков на шеях. Они напали внезапно, из-за камней. Барс попытался создать серый туман, чтобы шагнуть «сквозь ничто» и исчезнуть, но не успел — тяжёлая стрела вонзилась ему в плечо, сбивая концентрацию. Он не мог сосредоточиться на «Шаге сквозь ничто». Рана жгла, разум мутился, и туман, который он призвал, получился обычным — молочным, непрозрачным, но не переносимым. Он скрыл его от глаз, но не спас.

Амазонки окружили его. Сильно избили — по почкам, по лицу, по голове. Связали по рукам и ногам грубой верёвкой, а на шею накинута аркан и затянули так, что он захрипел.

Как его привязали к дереву на привале. Сняли штаны, чтобы оценить

«племенную ценность». Женщины смеялись и тыкали в него пальцами, приговаривая: «Хороший самец, крепкий. Сведём его с Айрой». Одна из них взяла его за подбородок и повертела голову, рассматривая зубы, как у жеребца на ярмарке.

Как подошла Эйлис.

— Она просто посмотрела на меня, — сказал Барс. — Сверху вниз. Как смотрят на животное. Не на человека — на племенного быка, которого надо оценить перед случкой. И сказала: «Отличный самец».

Он помолчал, и в его глазах мелькнуло что-то — стыд?

унижение? — чего Алишер никогда там не видел.

— И тогда, вождь, — Барс выдавил из себя слова, будто они жгли ему горло, — под их взглядами мой... орган... начал предательски шевелиться. Сам. Против моей воли. Я не хотел этого. Но тело не слушалось.

Он сжал кулаки.

— И они это видели. Смеялись. Тыкали пальцами. «Смотрите, — кричали,

— ему нравится! Ещё немного — и он сам попросит, чтобы кто-то из нас сел на него!»

— Идём в лагерь, — приказала Эйлис.

Амазонки отвязали его от дерева, но не развязали полностью — оставили верёвки на запястьях, стянутые так, что пальцы немели, и аркан на шее, за который его тащили, как собаку на цепи. Поволокли в сторону лагеря. Он шёл, спотыкаясь, сжимая зубы от боли в простреленном плече, но не сопротивлялся — слишком слаб от потери крови, слишком избит, слишком их много.

И тут на амазонок напали Лютые люди — отряд, прорвавшийся через северный проход. Женщины закричали, хватаясь за арбалеты. Охрана, которая вела Барса, отвлеклась. И в этот миг он заметил, что верёвки на его запястьях, мокрые от крови, чуть ослабли — то ли узлы размокли, то ли амазонки затянули их второпях.

Тогда он решил бежать сейчас, раз представилась возможность.

Он рванул. Из последних сил, чувствуя, как мышцы на руках наливаются свинцом. Верёвки затрещали, но не поддались. Тогда он дёрнул иначе — не врозь, а в одну сторону, скручивая узлы. Один лопнул. Второй. Руки свободны. Он сорвал с шеи аркан, ударил ближайшую амазонку головой в висок — та рухнула как подкошенная — и прыгнул в ущелье.

Не глядя. Не думая. Просто — прочь от них. Он упал.

Камни били его по спине, по ногам, по голове. Он летел долго — показалось, целую вечность. А когда ударился о дно, тьма поглотила его.

Очнулся через несколько часов. Левое колено не сгибалось — что-то хрустнуло и встало не туда. Вывих. Или хуже. Правая рука, в которую попала стрела, была выбита из плечевого сустава. Не мог ей пошевелить, и каждое движение заставляло задыхаться от боли. Лицо саднило — при падении он разорвал щёку об острый камень. Чувствовал, как кровь заливает глаз.

— Три дня полз по дну, — продолжал Барс. — С вывихнутым коленом, с раздробленной рукой, с открытой раной на лице. Пил воду из лужиц. Ел коренья и ягоды, которые жевал в темноте вслепую. Спал в расщелинах, чтобы волки не сожрали. Там, внизу, было холодно и сыро, но хотя бы не было этих амазонок.

Он замолчал, собираясь с силами. Потом поднял глаза на Алишера.

— А когда уже почти потерял сознание — от боли, от голода, от того, что раны загноились, — я собрал последние силы, вождь. Вспомнил наш замок. Представил его стены, камин, запах дыма и кожи. И шагнул.

Барс посмотрел на свои руки — целые, зажившие.

— Серый туман пришёл сам. Я не звал его — он пришёл. Наверное, понял, что если не поможет, я умру там, на дне ущелья, и никто не узнает про амазонок.

Он замолчал. В зале было тихо.

Так тихо, что было слышно, как потрескивают угли в камине. Тишина была вязкая, как смола. Турган замер, переваривая всю информацию от Барса.

Алишер не шевелился. Только карие глаза его потемнели, как небо перед бурей, и татуировки на теле замерцали тревожным багрянцем.

Смуглая кожа блестела в свете углей, а на груди и спине татуировки — руны предков, знаки силы, волчьи пасти — пульсировали, словно живые, перекатываясь под кожей, как змеи под тонким льдом. Волнистые чёрные волосы падали на плечи, и он откинул их резким движением головы — тогда в свете камина вспыхнули его карие глаза.

В них не было тепла. В них была выжженная степь.

— Турган, — позвал он. — Что думаешь?

— Я думаю, надо собрать три сотни воинов, — Турган шагнул вперёд. — Выжечь их логово дотла. А каждую насадить на свой кол, — он улыбнулся,

и улыбка была нехорошей, а в глазах зажглось предвкушение. Все поняли, что он имел в виду. — Чтобы прочие запомнили: мужчина — хозяин.

Алишер покачал головой.

— Я подумаю и решу, — сказал он, и его голос был спокоен, но в нём звенела сталь. — Мне очень хочется посмотреть на них.

Алишер улыбнулся. Улыбка была холодной, как лёд на пиках Костяных гор.

В ту ночь вождь долго не спал. Он сидел у камина в своих покоях, глядя на огонь, и думал. О долине за горами, о женщинах, которые держат мужчин на цепях, о той, которую зовут Гладь и чьё имя — Эйлис.

А за Синими горами, в тёплой долине, куда не доходила зима, текла совсем иная жизнь.

Тот, кто впервые видел эти места, не верил своим глазам.

После трёх дней подъёма по ледяным скалам Хребта Ветров, после снежных слепящих вершин и ветра, который резал лицо так, что кожа трескалась, — вдруг открывался спуск. И за ним — зелень. Густая, сочная, тёплая зелень, какой не бывало в степях Туманников. Трава росла здесь по пояс, а в некоторых местах — по грудь. Дикие цветы — жёлтые, синие, алые — устилали землю пестрым ковром, и над ними гудели пчёлы, крупные и ленивые.

Воздух был тяжёлым и сладким. Он пах травами, цветами, нагретой землёй и чем-то ещё — чуть сернистым, горячим, потому что из трещин в скалах там и тут поднимался пар. Горячие источники питали десятки ручьёв, которые сбегали вниз, в долину, делая её вечным летом среди ледяных гор.

В центре долины, на невысоком холме, стояла крепость. Амазонки называли её Волчье лоно.

Стены были сложены из брёвен толщиной в руку взрослого мужчины — грубые, плотные, сколоченные железными скобами. Поверх брёвен — черепа. Баранов, быков, лошадей. А на самых высоких кольях — человеческие. Мужские. Тех, кого принесли в жертву. Они скалились пустыми глазами на долину, и ветер посвистывал в выбеленных костях.

Ворота — две тяжёлые створки из дуба, обитые железными полосами. По бокам от ворот — башни с бойницами, где день и ночь стояли арбалетчицы. Их было четверо на каждой башне, смена

каждые четыре часа. Никто не мог подойти к воротам незамеченным.

Внутри, в самом дальнем углу крепости, стояли простые деревянные хижины для рабов.

Здесь было чисто. Землю посыпали песком и мелкой галькой, чтобы не месить грязь после дождей. Несколько низких, но добротных строений — с плотными дверями и маленькими оконцами, закрытыми деревянными решётками. В них жили мужчины-рабы, которые выполняли всю тяжёлую работу в крепости.

Хижины были небольшими — каждая на четверых. Внутри — нары из грубо обтёсанных досок, устланные чистой соломой, в углу — глиняная плошка с водой. На стене — железное кольцо, к которому на ночь пристёгивали мужчину за ошейник. Днём они ходили свободно — по дальней части крепости, под присмотром надсмотрщиц.

Ошейники были железные, с заклёпками, без замка — их надевали раз и навсегда, когда раб попадал в крепость. Снять можно было только кузнечными клещами, но никто не снимал.

Мужчины носили одинаковую одежду — серые льняные штаны и такие же рубахи с короткими рукавами. Грубая ткань, но чистая. В их обязанности входило: носить воду, рубить дрова, разделывать туши скота, убирать территорию, чистить конюшни, помогать на кухне. Самых умелых ставили к ремеслу — они ткали, плели корзины, чинили сбрую.

Мужчины были разного возраста — от шестнадцати до сорока. Все — чистые, подстриженные, без бород. Амазонки не терпели грязи и запущенности. Раб должен был выглядеть опрятно — как вещь, за которой ухаживают, чтобы она дольше служила.

Большинство из них давно смирились со своей участью. Они не поднимали глаз на женщин, не разговаривали первыми, не перечили. За послушание их хорошо кормили — три раза в день: густая каша из разных круп, лепёшка из ячменной муки, а иногда — мясо и овощи. Раз в неделю давали по куску говяжьей кости с остатками мяса.

Но были и непокорные.

Тех, кто огрызался, пытался бежать или смотрел на амазонок с ненавистью, наказывали. Их переселяли в отдельные клетки у самой стены — грязные, с земляным полом, без окон. Там они жили впроголодь: раз в день — овсяная похлёбка на воде, без хлеба, без мяса. Их не мыли, не стригли, не меняли одежду. Иногда приходили надзирательницы и забирали тех, кто наконец соглашался подчиниться. Несломленных долго не терпели — их использовали для жертвоприношений.

В центре крепости находилась Площадь Волка — большое открытое пространство с алтарём из чёрного камня. Алтарь был высечен в виде головы волчицы — с раскрытой пастью, оскаленными клыками и глазами из красного стекла.

В пасти всегда горел огонь. Днём он дымил, ночью освещал всю площадь багровым заревом.

Здесь проводили суды, казни и ритуалы.

В долине всегда было тепло.

Даже в редкие холодные месяцы, когда в степи становилось прохладно, здесь буйствовала зелень. Горячие источники не давали земле остыть, а горы запирали тепло. Поэтому амазонки ходили почти раздетыми.

Их одежда была скудной и функциональной.

На ногах — кожаные сандалии с ремнями до колен. На бёдрах — короткая кожаная юбка с бахромой, не закрывающая коленей. На груди — кожаный или матерчатый топ-бандо, узкий, едва прикрывающий грудь. Волосы — распущенные или собранные в высокий хвост. Боевые амазонки брили левую половину головы — чтобы волосы не лезли в глаза во время стрельбы из арбалета, а оставшуюся часть заплетали в тугие косички с железными наконечниками. Эти наконечники можно было использовать в ближнем бою — удар головой рассекал кожу, как нож.

Украшений было не много. Ожерелья из волчьих клыков и медвежьих когтей. Браслеты на руках и ногах — из железа, меди, иногда — серебра. Кольца на пальцах — с шипами, чтобы ударить в лицо. Серьги — большие, тяжёлые, из кости.

Настоящей брони амазонки не носили — в долине было слишком жарко. Только кожаные доспехи на время боя: на-

грудник, наручи, поножи. Но даже они были тонкими, не тяжелее двух слоёв кожи с железными вставками в опасных местах.

Главное оружие — арбалет. Амазонки стреляли из него так, что попадали в монету на лету. В ближнем бою использовали короткие мечи — узкие, с зазубринами, и кинжалы, которые прятали в сапогах и за поясами.

Хижина Эйлис стояла в самом зелёном месте крепости — там, где земля была особенно благодарной, а воздух — самым сладким.

Сюда, на вершину холма, доносилось тепло от горячих источников, и здесь буйствовала жизнь. Вокруг хижины росли густые кусты диких роз, усыпанные алыми и белыми цветами. Трава была мягкой, бархатистой, по колено, усеянной мелкими голубыми колокольчиками и жёлтыми одуванчиками. Старые раскидистые деревья — платаны и дикие груши —

давали тень, спасая от полуденного зноя. В их кронах щелбтали птицы, а среди ветвей порхали бабочки с ярко-синими крыльями.

Рабы разбили вокруг хижины Глади небольшой сад: здесь цвели розы, лилии, ирисы, пахнущие мёдом и ванилью. Дорожки были выложены плоским речным камнем, а вдоль них посажены кусты лаванды — их фиолетовые свечи покачивались на ветру, наполняя воздух пряным, успокаивающим ароматом.

Казалось, сама природа признавала власть Глади над этой землёй.

Сама хижина была не огромной — скорее изящной, под стать хозяйке. Стены из тёсаного дерева, покрытые лёгкой резьбой: волчьи головы, бегущие олени, солнце с расходящимися лучами. Дверь — дубовая, с железной ручкой в виде волчьего клыка. Крыша крыта дранкой, на

которой зеленел мох — здесь всегда было достаточно влаги от близких источников.

Внутри хижина была разделена на две половины. Первая половина — зал для приёмов.

Здесь стоял деревянный трон, покрытый шкурой белой волчицы — редчайший трофей, потому что белые волки водились только высоко в горах, и убить такого зверя считалось великим подвигом. Шкура была мягкой, серебристо-белой, с густым мехом. На троне лежали подушки из чёрного шёлка — их привозили торговцы из далёкой южной страны, из Империи Лотоса.

Полы были деревянными, натёртыми воском до тусклого блеска. На стенах

— оружие. Мечи, арбалеты, кинжалы, копья. Каждое — с историей, каждое

— с убитым врагом. Старые клинки с потускневшей сталью, новые — с выгравированными рунами. У некоторых на рукоятях — маленькие человеческие косточки или волчьи

кльки.

У трона — низкий столик из чёрного дерева, инкрустированный перламутром. На нём дымилась курильница — тонкий, изящный сосуд из зелёной бронзы — и стояла чаша с терпким красным вином.

Вторая половина — личные покои Глади

Сюда никто не входил без приглашения. Даже Лара — правая рука Эйлис, её лучшая воительница и самая преданная из амазонок.

Внутри пол был устлан мягкими шкурами — медвежьими, волчьими, рысьими. Поверх них — ковры из верблюжьей шерсти, вытканые в дальних землях. Они приглушали шаги, делая спальню тихой, почти беззвучной.

Кровать — низкая, широкая, из резного дуба, с балдахином из прозрачной красной ткани. Ткань была такой тонкой, что сквозь неё просвечивали очертания.

Подушки — пуховые, в наволочках из тонкого льна. Одеядло — лёгкое, шерстяное, но по ночам Эйлис часто спала без него — здесь было слишком жарко.

На стенах — зеркала из полированной стали.

В углу стоял небольшой бельевой шкаф. Одежды в нём было мало — амазонки не носили платьев, только кожаные юбки, топы и сандалии. В долине было слишком жарко для многослойных нарядов.

Рядом с окном, на резных ножках, возвышался комод.

Он был полон украшений: серебряные и золотые браслеты, кольца с рубинами и сапфирами, ожерелья из крупного жемчуга, заколки для волос с драгоценными камнями. Но Эйлис не носила их — это были трофеи, добытые в набегах на южные племена. Красивые безделушки, которые

шли на обмен: за них купцы привозили амазонкам железо, оружие, кожу и вино.

Из спальни вела маленькая дверь, выходящая в крошечный внутренний садик, окружённый высоким плетёным забором. Там стояла деревянная скамья, увитая диким виноградом, и журчал маленький фонтанчик — вода из горячего источника подавалась по бамбуковой трубе, остывая в каменной чаше.

Эйлис часто сидела здесь по вечерам, пила травяной отвар и смотрела, как солнце садится над горами, окрашивая снежные вершины в розовый и золотой.

Это был её личный мир, куда никто не вторгался. Мир, который скоро должен был рухнуть.

Глава 3. Алишер попадает к амазонкам

Она проснулась за час до рассвета, как всегда.

Эйлис не любила спать долго. Сон делал её слабой, а слабость была роскошью, которую Гладь не могла себе позволить.

Она села на кровати, откинула одеяло из тонкой шерсти. Тело было молодым и сильным — двадцать пять лет, стройная, каждая мышца как струна. Светлая кожа, длинные русые волосы рассыпались по плечам и спине, достигая пояса. Это была привилегия Глади. Ни одна амазонка не смела носить волосы длиннее, чем у неё.

Эйлис встала, накинула лёгкую тунику и вышла в свой маленький садик. Утренний воздух был влажным и тёплым, пахло цветами и нагретой землёй. Фонтанчик из горячего источника журчал по-прежнему — вода подавалась из недр земли по бамбуковой трубе и, прежде чем попасть в каменную чашу, успевала остыть до приятной теплоты.

Эйлис наклонилась перед чашей, зачерпнула воду ладонями из бамбуковой трубочки, умылась. Вода была мягкой, чуть пахла серой и травами. Она провела влажными пальцами по лицу, затем по шее, затем по груди. Кожа была глад-

кой, упругой — Эйлис много тренировалась и берегла своё тело.

Она провела ладонями по волосам, откинула их назад и подставила лицо утреннему солнцу. В саду было тихо — только птицы щебетали в ветвях платанов, да где-то далеко перекликались дозорные на стенах.

Несколько мгновений она просто стояла, глядя на то, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву и ложатся золотыми пятнами на землю. Это была её маленькая передышка перед новым днём.

Потом она повернулась, вошла в дверь и пошла одеваться. Эйлис посмотрела в зеркало из полированной стали.

Красивое лицо смотрело на неё — и не улыбалось. Тонкие брови, прямой нос, чётко очерченные губы, которые редко знали улыбку. Голубые глаза

— холодные, как лёд на вершинах Костяных гор. В них не было тепла. В них была вечная, непроглядная зима.

Её мать говорила: «У красивой женщины два пути — либо стать чьей-то игрушкой, либо стать той, у кого игрушки. Выбирай».

Эйлис выбрала. И теперь весь мир платил за её выбор.

Она оделась. Надела кожаные сандалии с ремнями до колен, короткую юбку из коричневой кожи, топ-бандо из такой же кожи с вышитой волчьей головой. На шею — ожерелье из волчьих клыков: самый крупный принадлежал вожаку стаи,

убитою ею лично в семнадцать лет. На руки — браслеты из меди. Волосы заплела в две тугие косы.

Оружие она не брала в покоях — оно ждало её у трона. Эйлис вышла из своей хижины.

Когда Эйлис вышла из своей хижины, все замерли.

Не потому, что боялись. Потому что уважали. Её мать правила тридцать лет, и клан процветал. Эйлис правила седьмой год, и клан стал сильнее, чем когда-либо. Она наладила торговлю с южными купцами, разгромила три отряда Лютых людей, посмевших сунуться в долину. Никто не смел смотреть на неё сверху вниз.

На площади Волка, у алтаря с горящей волчьей пастью, её уже ждала Лара, правая рука Глади.

Если Эйлис была ледяной красотой — белокожей, светловолосой, с голубыми глазами, — то Лара была её тёмным отражением. Огонь и лёд. Кровь и сталь.

Ларе было двадцать пять — столько же, сколько и Эйлис. Они росли вместе, учились стрелять из арбалета вместе, впервые убивали вместе. Но если Гладь правила из тени хижины, то Лара правила на плацу, на охоте, в бою. Она была мечом, который Эйлис сжимала в руке.

Ростом Лара почти догнала Эйлис — высокая, жилистая, с длинными ногами, привыкшими к бегу и прыжкам. Её тело было сухим и жилистым, без капли лишнего жира — сплошные мышцы и сухожилия. Не грубая мощь мужчин Бурого

медведя, а гибкая, кошачья сила. Та, что позволяет нанести удар раньше, чем противник моргнёт.

Кожа Лары была смуглой, оливкового оттенка. Волосы — чёрными, как вороново крыло, густыми, жёсткими, с лёгкой волной. Она носила их распущенными до плеч, но в бою стягивала в тугой пучок на затылке. Никаких косичек с железными наконечниками, как у других амазонок, — Лара презирала украшения. Одно ожерелье из волчьих клыков она носила, но маленькое, скромное, не такое броское, как у остальных.

Глаза Лары были тёмно-карими, почти чёрными. Горячими, быстрыми, злыми. В них всегда горел огонь — не холодный, как у Эйлис, а жаркий, как в кузнечном горне. Она смотрела на мир так, будто мир был ей что-то должен.

Лицо Лары нельзя было назвать нежным. Острые скулы, прямой нос с лёгкой горбинкой — сломала в детстве на тренировке, не пошла к лекарке, срослось само. Тонкие губы, которые редко растягивались в улыбку. Но в её чертах читалась порода — тонкая, хищная, дикая.

Красивая. Как красива волчица, когда скалится перед прыжком.

На теле Лары татуировок было мало — только одна, на левом плече: волчья голова с раскрытой пастью, из которой вырывалось пламя. Знак того, что она никогда не отступит. Что сгорит, но не сдастся.

Одевалась Лара просто, почти бедно по меркам амазонок. Кожаный топ-бандо, туго обтягивающий грудь. Короткая юбка из чёрной кожи, разрезанная с боков для свободы движений. Высокие сандалии с ремнями до колен. Никаких украшений, кроме ожерелья и медных браслетов на запястьях — чтобы не звенели и не мешали стрелять.

Оружие Лара носила с собой всегда. Арбалет за спиной — маленький, лёгкий, с тетивой из оленьих жил. На поясе — короткий меч, узкий, с зазубринами, чтобы рвать плоть, когда вытаскиваешь. И два кинжала: один — за голенищем левого сапога, второй — под правой мышкой, в кожаных ножнах, пришитых к топу.

В бою Лара была ураганом. Быстрая, злая, неуловимая. Она не рубила — она резала. Танцевала между врагами, оставляя за собой кровавые росчерки. Никто в клане, кроме Эйлис, не мог победить её в честном поединке.

Лара была жестокой. Очень жестокой. И Эйлис ценила это.

Лара подошла к Глади и склонила голову в знак приветствия.

— Гладь, — сказала Лара, склонив голову. — Отряд вернулся с перевала. Взяли одного самца. Крупный, крепкий. Пытался бежать, но стрела догнала. Она чуть ослабила его и мы смогли его захватить.

Эйлис подняла бровь.

— Похож на того, который сбежал тогда? — спросила она.
— На того, что убил двух наших и прыгнул в ущелье?

— Нет, Гладь, — Лара покачала головой. — Тот был поменьше и татуировки у него были грубее. А у этого — работа тонкая, руны древние. И телосложение иное. Тот был скорее всего разведчиком — быстрый, жилистый. А этот — настоящий боец. Медведь, а не волк.

Эйлис подняла глаза. В них зажглось любопытство — холодное, расчётливое, как у хищницы, учуявшей необычную добычу.

— Как его поймали? — спросила Эйлис. Лара усмехнулась:

— Шёл по перевалу. Не ждал засады. Мои девушки напали из-за камней — арбалеты, отравленные болты. Связали, избili для порядка.

Сопротивлялся, гад, троих покалечил, прежде чем упал. Сейчас в клетке, у дальней стены. Рана обработана, накормили.

— Хорошо, — Эйлис кивнула. — Пусть посидит. Я посмотрю на него после завтрака.

Она повернулась к алтарю. Огонь в волчьей пасти уже разгорелся, бросая багровые блики на её лицо. Языки пламени лизали чёрный камень, делая стеклянные глаза волчицы живыми, горящими.

— Может, этот самец подойдёт мне для зачатия, — ска-

зала она задумчиво.

— Давно ищу того, с кем можно получить достойную дочь.

Лара не ответила. Только кивнула и отошла, оставив Гладь наедине с её мыслями.

А Эйлис смотрела на огонь, и красные блики танцевали в её голубых глазах.

Она ещё не знала, что этот пленник перевернёт её жизнь.

Он недооценил их.

Алишер шёл по перевалу, легко перепрыгивая с камня на камень, и думал о своём. О том, как войдёт в их крепость, как усыпит охрану, как схватит их Гладь и исчезнет в сером тумане. Он представлял её лицо — удивлённое, испуганное, униженное. И улыбался.

Женщины. Что они могут против него? Против вождя Бурого медведя, мага, владеющего стихиями, прошедшего десятки битв?

Он был самоуверен. И это была его ошибка. Они выско-чили ниоткуда.

Из-за серых скал, из трещин, из-за валунов — две дюжины амазонок в кожаных доспехах, с арбалетами, с ожерельями из волчьих клыков. Ни шороха, ни крика, ни лязга оружия. Только свист — и тяжёлая стрела вонзилась ему в правое плечо.

Алишер не успел даже поднять руку для тумана.

Он попытался — рванул магию из татуировок, вызвать серый туман, но... ничего не произошло. Только лёгкая дымка, которая тут же рассеялась.

Яд.

Он понял это сразу — жжение в плече, слабость в мышцах, мусть в голове. Стрела была отравлена. Не смертельно, но достаточно, чтобы заблокировать магию и сделать его вялым, обессиленным.

Алишер взревел от ярости — не от боли. От бессилия. Впервые в жизни он не мог колдовать. Не мог дать отпор. *«Так вот как эти амазонки ловят мужчин, — подумал он. — Яд делает их настолько слабыми, что те не могут сопротивляться».*

Его скрутили, повалили на землю, связали. Две амазонки сели на него сверху, скручивая руки за спиной грубой верёвкой. Третья била по лицу — раз, второй, третий. Он не считал. Кровь заливала глаз.

Они смеялись.

— Хороший самец! Крепкий! Смотрите, какие татуировки!

— Эй, смотри, не задуши его, такого красавца поймали.

Алишер лежал лицом вниз, в пыль, и чувствовал, как верёвки впиваются в запястья. Он был зол. Зол на себя, на них,

на свою глупую самоуверенность.

«Вождь, — думал он с горечью. — Великий вождь. Маг. Думал, что женщины не умеют воевать. Что они слабее. А они...»

Они оказались хитрее. У них были отравленные стрелы, которые убивали не только магию, но и делали тело слабым. И они не боялись мужчин.

Его привели в крепость, одели на шею ошейник, швырнули на солому в одной из хижин у дальней стены — там, где, как он понял, содержали непокорных.

Дверь захлопнулась. Заскрипел засов.

Алишер сел на полу, прислонившись спиной к стене. Руки были всё ещё связаны за спиной — туго, до онемения пальцев. Ошейник, железный, холодный, давил на горло.

Он осмотрелся.

Хижина была низкой, с земляным полом, покрытым прелой соломой. В углу

— деревянное ведро. Вдоль стен — жёсткие нары. Свет пробивался сквозь щели в стенах и маленькое оконце под самым потолком, затянутое бычьим пузырём.

Здесь уже были двое.

Они сидели на нарах, грязные, оборванные, с длинными спутанными волосами и бородами, которые, судя по всему,

не видели ножа много недель. Их ошейники были такими же, как у него, — железными, с заклёпками. Одежда превратилась в лохмотья.

Они смотрели на Алишера.

С восхищением. С надеждой.

Потому что он был другим. Огромным, смуглым, с татуировками по всему телу. Даже связанный, даже в грязи, он выглядел как воин, а не как скотина, которую держат на цепи.

Один из них, тот что постарше, с седыми прядями в чёрных волосах, прохрипел:

— Ты откуда?

Алишер посмотрел на него. Оценил. Не враги — такие же пленники. Те, кто не сломался.

— Из-за гор, — ответил он. — Меня зовут Горн.

Он не назвал своего настоящего имени. Незачем им знать, что он вождь Бурого медведя. Незачем знать, что он, такой самонадеянный, угодил в плен к амазонкам. Даже его разведчик обвёл их вокруг пальца, а он, великий вождь, сидит на соломе, как последний раб.

— Горн, — повторил второй, помоложе, с глубокими морщинами на лбу — хотя ему вряд ли было больше тридцати.

— А я Вельд. А это — Хорс.

Хорс молча кивнул.

— Долго вы здесь? — спросил Алишер.

— Вельд — две недели, — ответил тот. — Я — три. — Он горько усмехнулся. — Не хотим подчиняться. Не хотим быть их игрушками. Вот и гнием здесь. Кормят раз в день, бьют, если заговорим. Но мы молчим. Не слоимся.

— Не сломитесь, — повторил Алишер.

Он замолчал, обдумывая своё положение. Ему было не до этих несчастных.

Яд должен был выветриться из крови. Через день, через два — он не знал точно. Но когда это случится, магия вернётся. И тогда...

Он посмотрел в маленькое оконце, через которое виднелся край крепостной стены и кусочек неба.

«Лучше бы я воспользовался гладью воды, — думал он с досадой. — Посмотрел бы на крепость сверху, запомнил бы каждую хижину, каждую башню, каждый поворот. Тогда я смог бы перенестись прямо в хижину их Глади. Ночью. Забрать её, пока спит. И исчезнуть».

Но он не сделал этого. Он был самоуверен. Он думал: *«Я увижу всё на месте. Я — вождь, я силен, я справлюсь».*

И вот результат.

«Моя самоуверенность подвела меня, — признал он. — Впервые в жизни».

Он посмотрел на свои связанные руки.

«Но ничего. Я всё равно что-нибудь придумаю. Я осмотрюсь. Узнаю, как они живут, что едят, когда спят, где держат оружие. А когда яд выветрится...»

Он усмехнулся — криво, цинично.

«Тогда они узнают, кого привели в свою крепость».

Совсем немного прошло времени, как дверь отворилась.

На пороге стояла Лара — смуглая, с чёрными, как вороново крыло, волосами и горящими глазами. Она окинула Алишера быстрым, оценивающим взглядом и скомандовала:
— Тебя ждёт наша Гладь. Хочет видеть.

Алишер поднялся. Послушно вышел — не было смысла сопротивляться сейчас. Яд всё ещё был в крови, магия не вернулась, силы оставили его. Он еле волочил ноги, но шёл сам, не позволяя вести себя под руки.

К тому же, ему хотелось глянуть на эту самую Гладь — ту,

чье имя он уже знал. И, главное, запомнить, где находится её хижина. Чтобы когда магия вернётся... действовать.

Эйлис завтракала у себя в хижине.

Она сидела за небольшим столом, покрытым скатертью нежного кремового цвета. Лепёшки, фрукты, плашка тушёного мяса — от которого ещё поднимался пар. Всё выглядело свежим, аппетитным, правильно приготовленным. Она ела неторопливо, с достоинством хозяйки, которая не привыкла никуда спешить.

Величественная. Красивая. Хозяйка положения.

Лара поставила Алишера напротив стола и замерла у стены, ожидая приказов госпожи.

Эйлис подняла глаза.

Она смотрела на него с холодным любопытством, оценивая, как на ярмарке оценивают племенного быка. Плечи — широкие, руки — мощные, грудь — покрыта татуировками, которые даже сейчас, в полумраке, казались живыми. Он понравился ей. Прекрасный самец для зачатия.

Алишер смотрел на неё в ответ — спокойно, без страха. Даже с вызовом.

— Не смотри так, раб, — Лара шагнула вперёд и ударила его ладонью по лицу.

Голова Алишера дёрнулась. Если бы не яд стрелы, от такого удара он даже не шелохнулся бы. Но сейчас мир поплыл перед глазами, и он едва удержался на ногах.

— Выйди, — тихо, но властно сказала Эйлис. — Я сама с ним поговорю. Лара склонила голову и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Алишер заметил это. Власть Глади была такой же непоколебимой, как его собственная в замке Бурого медведя. Она не терпела возражений. Одно слово — и все подчиняются. Он оценил это.

— Как тебя зовут? — спросила Эйлис, откинувшись на спинку стула. — Кто ты?

Алишер посмотрел на неё прямо, не опуская глаз.

— Горн. Путник, которого твои девки захватили в плен.

Эйлис нахмурилась. В её голубых глазах вспыхнул холодный огонь.

— Они не девки, — сказала она жёстко. — Мы амазонки. Мы презираем мужчин так же, как вы презираете женщин. И это тебя злит, путник.

По тому, как она произнесла последнее слово, было видно — она не поверила ему. Она видела, что перед ней не путник, а воин. Может быть, даже вождь.

— Ты подходишь мне для зачатия, — продолжила Эйлис, как ни в чём не бывало. — Мне уже пора родить будущую Гладь.

Алишер усмехнулся — криво, цинично, с вызовом.

— А ты у меня спросила?

Эйлис не повысила голоса. Она лишь посмотрела на него так, как смотрят на нашкодившего щенка, которого ещё не проучили.

— Мы не спрашиваем, — сказала она. — Сегодня ты увидишь, что мы делаем с теми, кто не хочет нам подчиняться.

Она помолчала, давая ему прочувствовать смысл слов.

— Лара! — крикнула она.

Дверь открылась мгновенно — Лара стояла за ней всё это время, не уходила.

— Уведи его, — велела Эйлис. — Мешает мне поесть. Алишер усмехнулся.

«Я ей мешаю», — подумал он.

Лара толкнула его в спину, и он вышел, не сопротивляясь.

Она отвела его обратно в хижину. Развязала руки. Молча, не проронив ни слова. Только у двери толкнула ещё раз, чтобы он не задерживался, и задвинула засов.

В хижине его встретили Вельд и Хорс. Они сидели на нарах и смотрели на него с тревогой.

— Куда водили? — спросил Вельд.

— Что хотели? — добавил Хорс.

Алишер сел на солому, прислонившись спиной к стене.

— Ничего серьёзного, — отмахнулся он. — Сказали — избыют плетью, если не подчинюсь.

Он соврал. Но им не нужно было знать правду.

К вечеру площадь Волка заполнилась амазонками.

Они стояли плотными рядами — воительницы в кожаных доспехах, молодые волчата с ещё неумелыми руками, старая жрица в чёрном плаще, расшитом волчьими мордами. В центре, у алтаря, горел костёр — не тот, что днём, а огромный, в рост человека, с треском пожирающий сухие ветки и смолу. Искры взлетали к небу, гасли в вышине, оставляя после себя запах дыма и пепла.

Эйлис стояла на возвышении перед алтарём, на ступенях из чёрного камня. На ней был боевой доспех — тонкая кольчуга из железных колец, поверх неё кожаный нагрудник с волчьей головой, выбитой в серебре.

Волосы заплетены в тугую косу, увенчанную железной заколкой в виде

клыка. В руке — ритуальный нож с лезвием из обсидиана, чёрного, как сама бездна.

Алишер сидел в хижине, прислонившись спиной к стене, когда дверь отворилась.

Две амазонки вошли внутрь, держа в руках глиняную миску и деревянную кружку. Они поставили еду перед Хорсом — тем, кто был здесь дольше всех. Каша с мясом, непечатая лепёшка, даже кусок вяленого мяса. И кружка тёплого травяного отвара.

Хорс удивился. Его никогда так хорошо не кормили.

— Ешь, — коротко бросила одна из амазонок и вышла.

Хорс не заставил себя уговаривать. Он ел жадно, торопливо, обжигаясь, — глаза его блеснули в полумраке. Отвар выпил до дна, даже не задумавшись, почему он такой горький.

Алишер смотрел на него и молчал. Что-то было не так.

Он заметил, как женщины переглянулись, выходя. Как одна из них — та, что помоложе, — бросила быстрый взгляд на Хорса и опустила глаза.

Будто ей было... стыдно? Или жаль?

Но Хорс уже доедал лепёшку, облизывая пальцы. Через несколько минут его веки отяжелели. Он зевнул, потянулся и откинулся на нары.

— Что-то меня разморило, — пробормотал он. — Давно так сытно не ел... Глаза его закрылись. Дыхание стало ровным, глубоким — сон.

Алишер понял.

Зелье, — подумал он. — Безвольное зелье. Чтобы он не сопротивлялся. Чтобы даже не понял, куда его ведут.

Он посмотрел на Вельда. Тот явно не догадывался ни о чём. Они были простыми людьми, в отличии от него.

Через час за Хорсом пришли.

Две амазонки подхватили его под руки — он даже не сопротивлялся, спокойно пошёл с ними. Повели через площадь, мимо горящих костров, мимо плотных рядов молчаливых женщин.

Алишер смотрел в щель между бревен.

Хорса поставили на колени перед алтарём. Его лицо было спокойным, почти детским — зелье стёрло все морщины страха, все следы прожитых здесь страданий. Он не понимал, для чего его привели.

Эйлис подняла руку с ножом. Площадь затихла.

— Волчица Железная, — заговорила она, и голос её разнёсся над толпой, холодный, как ветер с ледников. — Прими дар, который мы возносим тебе

в эту ночь. Кровь этого самца да будет тебе угодна. Укрепи наших дочерей. Сделай нас сильными. Сделай нас быстрыми. Сделай нас бесстрашными.

Она шагнула к Хорсу.

Тот поднял голову — глаза были стеклянными, пустыми. Он смотрел сквозь неё, не понимая, где находится, кто она. Зелье сделало своё дело.

Эйлис резким, отработанным движением полоснула ножом по его горлу.

Кровь хлынула на чёрный камень алтаря, на рукоять ножа, на босые ступни Глади. Хорс захрипел — тихо, почти беззвучно — дёрнулся и затих. Тело упало на землю, обрызганное багровым.

Амазонки замерли в молчании.

Ни крика, ни аплодисментов. Только треск костра и тихий стук капель крови о камень.

Жрица в чёрном плаще, расшитом волчьими мордами, подошла к телу, опустилась на колени прямо в тёплую лужу крови. Она не брезговала. Кровь была священной. Жрица окунула пальцы в багровую жидкость, набрала полную горсть.

Она поднялась, подошла к Эйлис, низко склонив голову.

— Гладь, — голос жрицы был глухим, как из-под земли. — Прими силу уходящего. Пусть его страх, его боль, его жизнь отныне питают твою.

Эйлис замерла, чуть запрокинув голову, закрыла глаза.

Жрица провела окровавленными пальцами по её лицу — вертикальную полосу ото лба к подбородку, через переносицу и губы. Затем две горизонтальные — через щёки, от висков к носу. На белой коже Глади проступил алый крест — знак Железной Волчицы.

Кровь была тёплой — почти горячей, с едким металлическим запахом, ударившим в ноздри. Эйлис не моргнула. Она проходила этот ритуал не в первый раз. За семь лет правления она стояла так перед алтарём десятки раз — каждое полнолуние, перед каждой Великой Охотой. Привыкнуть было невозможно. Она и не привыкала. Она принимала это как данность.

— Хватит, — сказала она и открыла глаза.

Жрица отступила, поклонилась, отошла к алтарю. Там она собрала кровь из лужи в глиняную чашу — чтобы позже вылить в огонь, в жертву духам.

Амазонки вокруг площади замерли, глядя на Гладь. Её лицо, залитое кровью, казалось в свете костра лицом не человека — божества. Древнего, жестокого, безжалостного.

Никто, кроме Глади, не имел права касаться жертвенной крови. Только её лицо могло быть отмечено знаком Волчицы.

Эйлис подошла к алтарю, встала так, чтобы все видели её.

Подняла руки к небу, где уже загорались первые звёзды.

— Волчица Железная, — произнесла она громко. — Прими дар. Укрепи наших дочерей. Дай нам сил на грядущую охоту.

Амазонки, стоявшие на коленях, повторили шёпотом:

— Волчица Железная...

Тело унесли. Кровь с алтаря смыли горячей водой, принесённой из источников. Костёр догорел до углей.

Алишер отпрянул от щели.

Сердце колотилось где-то в горле, хотя он не боялся — он был в ярости. Но не той горячей, слепой ярости, которая заставляет бросаться на врага с голыми руками. Эта была холодная, тяжёлая, как свинец.

«Они такие жестокие, — подумал он, проводя ладонью по лицу. — Всё, что говорили про них, — правда».

Он помнит рассказ Барса, но одно дело — слушать, и совсем другое — видеть своими глазами. Женщина в крови, стоящая над телом безвольного мужчины, которого увели на смерть. Ритуал. Поклонение твари из камня.

Кровь, текущая по лицу Глади как священная вода.

Он отошёл от стены, сел на солому, прислонился спиной

к холодным брёвнам. В полумраке хижины ничего не было видно, только слышно было, как Вельд возится на нарах.

— Ты чего? — спросил тот сонным голосом. — Что там?

— Ничего, — ответил Алишер. — Спи.

Вельд не стал уточнять. Он уже засыпал, полностью уверенный, что Хорса увели, потому что тот сломился и поэтому его так хорошо накормили — вот и всё. Вельд не видел того, что видел Алишер. Не знал правды.

И, может быть, это было к лучшему. В хижине стало тихо.

Вельд уснул — тяжело, с присвистом, иногда вздрагивая во сне. Ему снилось что-то своё, далёкое, не имевшее отношения к этой грязной клетке.

Алишер не спал.

Он сидел с открытыми глазами, глядя в темноту, и думал. О своей глупости, которая привела его сюда. О своей самоуверенности, из-за которой он угодил в лапы к этим... женщинам-зверям. О том, что теперь он здесь, без магии, с пустыми руками, с ошейником на шее.

Но он не терял надежды.

Яд выветрится. Силы вернутся. Он найдёт способ выбраться. И тогда они увидят, кому на самом деле принадлежит этот мир.

— Ты пожалеешь, Гладь, — прошептал он в темноту. —

Что связалась с вождём Бурого медведя.

Он закрыл глаза и попытался заснуть.

Глава 4. В плену у амазонок

На нарах спать было жёстко — тонкая солома почти не смягчала грубое дерево. Но ему не привыкать. Он — воин, вождь. Во время военных походов, когда клан шёл на соседей через ледяные степи, приходилось спать на голой земле, укрываясь плащом от ветра. Это было роскошью по сравнению с теми ночами.

Алишер проснулся, когда за окном забрезжил рассвет.

Он сел, потёр лицо ладонями, прогоняя остатки сна, и подошёл к щели между брёвнами. Прильнул к холодному дереву.

Лагерь амазонок просыпался.

В сером предрассветном свете женщины выходили из хижин, потягивались, переговаривались негромкими голосами. Где-то залаяла собака, заржала лошадь. Над очагами поднимался дым — рабы уже разжигал огонь для утренней трапезы.

«Первое утро в плену», — подумал Алишер.

Он ещё не знал распорядка. Когда приносят еду? Выводят ли их вообще на прогулку или держат взаперти целыми днями? Может быть, у них есть час на дворе, чтобы размять ноги, подышать свежим воздухом? Или они здесь как звери

в клетке — только еда, солома и стены?

Он отошёл от щели.

Вельд тоже проснулся. Он сидел на нарах, потирая затёкшую шею, и смотрел на Алишера сонными глазами.

— Скоро придут, — сказал Вельд хрипло. — С похлёбкой.

— Вельд, — Алишер присел рядом, понизив голос. — Какой уклад здесь? Расскажи.

Вельд вздохнул, поморщился — то ли от вопроса, то ли от боли в спине.

— Амазонки приходят рано. Спать много не дают. Если в это время застанут спящим — получишь хлыстом. Бьют больно.

— И всё время держат здесь? — Алишер обвёл рукой хижину.

— Да, — Вельд кивнул. — Пока не заберут. Вот Хорса забрали. Сдался, наверное. Сломился. — Он помолчал, глядя в пол. — Будет теперь хорошо есть. Может, даже в услужение возьмут.

Алишер промолчал.

«Знал бы ты, куда его забрали, — подумал он с горечью.

— *Не захотел бы ты такой еды».*

Дверь отворилась без стука.

Две амазонки вошли как хозяйки — властно, уверенно, будто им принадлежало здесь всё, включая воздух. Мужчины для них были ничто. Пустое место. Скот, которого нужно покормить, чтобы не сдох.

Они были красивыми.

Первая — та, что постарше, с тёмно-русыми волосами, заплетёнными в множество тонких косичек, собранных в одну косу. Виски выбриты — так, как это делали боевые амазонки. Стройная, поджарая, с длинными ногами и натренированным телом — каждая мышца угадывалась под загорелой кожей. На шее — ожерелье из волчьих клыков, на руках — медные браслеты. Глаза — карие, с хитринкой. Красивая, но холодная. Это была

Айра — помощница Глади, та, о которой вчера с уважением говорили другие амазонки.

Вторая — моложе, с русой косой, перекинутой через плечо, и веснушками на носу. Небритых висков нет — значит, не элита. Но взгляд такой же хозяйский, презрительный.

Каждая держала в руке плоский деревянный поднос с едой. Айра подошла к Алишеру.

— Раб, — сказала она, и голос её звучал как приказ. —

Это тебе. Она поставила поднос перед ним.

— Наша Гладь решила кормить тебя лучше, чем его, — она кивнула в сторону Вельда. — Чтобы не ослаб до случки.

Она рассмеялась — негромко, с издевкой. Алишер посмотрел на поднос.

Мясо тушёное — крупные куски, плавающие в густом подливе, пахнущем чесноком и диким луком. Свежая лепёшка — румяная, с хрустящей корочкой, ещё тёплая. И вино в глиняной кружке — терпкое, тёмно-вишнёвое, с лёгким дымным ароматом.

Такая еда не для рабов. Такая еда для тех, кого собираются использовать.

Вторая девушка поставила перед Вельдом его поднос — глиняную миску с жидкой похлёбкой, в которой плавало несколько кусочков овощей и совсем нет мяса. Лепёшка — чёрствая, видно, что вчерашняя.

— Это как обычно, тебе, — бросила она коротко.

— Жрите, — выпалила Айра.

Они развернулись и вышли, так же быстро, как вошли.

Алишер смотрел на еду, но не притрагивался.

Он задумался. Амазонки, возможно, знали, что он может

обладать магией

— они видели туман, который он пытался вызвать на перевале. Может быть, они не понимали, кто он и на что способен, но подозревали неладное.

Иначе, зачем такая изысканная еда? Мясо, свежая лепёшка, вино. Это не щедрость. Это расчёт.

«Хотят ослабить меня, — понял он. — Наверняка подмешивают в еду что-то, что подавляет магию. Или делает послушным. И для этого — вкусная еда, мясо, свежая лепёшка, вино. Чтобы наверняка не отказался. Чтобы сам с удовольствием съел и запил».

Он вспомнил вчерашнего Хорса. Как он жадно ел. Как пил вино. Как потом его глаза стали стеклянными, пустыми, и он покорно пошёл на алтарь.

Ему надо было вернуть свою силу. Свою магию. Он хочет сбежать отсюда, захватив с собой Эйлис. А ещё, если он сможет достать листочки Кормящего дерева, спрятанные с помощью магии, то достаточно одного

такого листочка, чтобы не есть несколько дней и не пить. Чтобы его не накормили никаким зельем, не напоили отравой.

Но без магии достать их было невозможно. Замкнутый круг.

Алишер посмотрел на похлёбку Вельда. Жидкая, безвкусная, но, скорее всего, без примесей. Ему вряд ли что-то под-

мешивали.

Он решил.

— Вельд, — сказал Алишер тихо, почти шёпотом. — Вчера было полнолуние. Хорса принесли в жертву.

Вельд поднял глаза. В них мелькнул ужас — такой глубокий, что, казалось, заглянул туда, куда боялся смотреть всё это время.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Похоже, они делают это каждый месяц, — Алишер усмехнулся — криво, мрачно. — С такими, как мы. С непокорными.

Вельд долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на мясо, на румяную лепёшку, на кружку с вином. Сглотнул.

— А тебя сейчас для чего так кормят? — спросил он тихо.

— Меня их Гладь хочет использовать для зачатия. Вельд, я — вождь клана Бурого медведя.

Вельд отшатнулся, будто его ударили. Он знал этот клан. Слышал о нём от других рабов, от старых пленников, от редких торговцев, что заходили в крепость. Воины, покрытые татуировками. Колдуны, владеющие серым туманом. Люди, которые не берут пленных — они приходят и исчезают, оставляя после себя только пепел.

Вот почему этот пленник был таким могучим. Вот почему

он смотрел без страха, даже когда его били.

— Вы же колдуны, — прошептал Вельд. — Почему ты не используешь магию? Не убежишь отсюда?

— Они заблокировали мою магию, — ответил Алишер. — Отравленной стрелой. Но я знаю — сила вернётся через несколько дней.

Он помолчал, глядя в темноту угла, где прятались тени.

— Они тоже, скорее всего, знают об этом. Поэтому и кормят меня так вкусно — чтобы я не отказывался от еды, ел с аппетитом, и зелье делало своё дело.

Алишер посмотрел на Вельда прямо.

— Я отдам тебе свою еду. А сам буду есть твою. Уж тебе-то они точно ничего не подсыпают.

Вельд смотрел на него вопросительно, не веря своим ушам.

— Как только ко мне вернётся магия, — продолжил Алишер, — я заберу тебя с собой. Ты согласен?

— Согласен, — выпалил Вельд, не раздумывая ни секунды. — Ещё бы я был против!

Они обменялись подносами.

Вельд набросился на еду с жадностью голодного зверя — мясо исчезало кусок за куском, лепёшка хрустела, вино он пил большими глотками, не отрываясь.

Алишер ел медленно. Овсяную похлёбку Вельда — жидкую, пресную, почти без соли. Только чтобы поддержать силы, которых сейчас и так было в обрез.

Он пока не стал говорить Вельду, что в его планах забрать не только его, но и Эйлис.

Он скажет потом. Когда силы вернутся.

Так прошло несколько дней.

Однообразная, пресная похлёбка, деревянная кружка воды на завтрак и ужин, жёсткие нары, щель между брёвнами, в которую можно было видеть кусочек чужой жизни. Дни тянулись медленно, как застывшая смола, и давили морально. Но Алишер терпел. Он привык к лишениям. Он знал — это ненадолго.

Алишер чувствовал, что становится сильнее. Яд понемногу выходил из крови, тело оживало, мышцы наливались привычной тяжестью. Магия ещё не вернулась — только тлела где-то глубоко внутри, как уголёк в пепле, готовая разгореться в любой момент. Но уже скоро. Совсем скоро.

Их не выпускали. Целыми днями и ночами — взаперти. Ни прогулок, ни свежего воздуха, ни возможности размять затёкшие ноги. Вельд давно привык, Алишер — нет. Он мерил шагами хижину из угла в угол, глядя в щель, запоминая каждый звук, каждую смену караула, каждую тень за окном.

Его продолжали кормить хорошо — мясом, свежими ле-

пёшками, даже вином. Всё, чтобы он не отказался от еды, чтобы зелье делало своё дело и он оставался слабым и послушным.

Но Алишер отдавал всё Вельду. Каждый кусок, каждый глоток.

Вельд ел с удовольствием, иногда украдкой поглядывая на Алишера с благоговением.

И вот однажды утром дверь распахнулась.

На пороге стояла Лара — смуглая, с чёрными волосами до плеч и глазами, в которых всегда горел огонь. Она окинула Алишера быстрым взглядом и приказала:

— Выходи.

Алишер покорно поднялся. Он притворялся слабым — опустил плечи, чуть ссутулился, сделал вид, что еле волочит ноги. Вельд провожал его испуганным взглядом, но промолчал.

— Иди за мной, — бросила Лара и развернулась. Она привела его на Площадь Волка.

Утреннее солнце только начинало подниматься над стенами крепости, заливая серый камень розоватым светом. На площади, у погасшего костра, стояли Эйлис и Айра. Гладь была в своём обычном облачении — короткая кожаная юб-

ка, топ-бандо, сандалии с ремнями до колен. Волосы заплетены в две косы, на шее — ожерелье из волчьих клыков.

Она смотрела на него спокойно, холодно, как на вещь.

— Ты согласен вступить со мной в соитие для зачатия? — спросила Эйлис без предисловий.

— Нет, — грубо ответил Алишер.

Он усмехнулся про себя: *«Подожди. Пусть только магия вернётся»*.

Эйлис не изменилась в лице. Только глаза стали ещё холоднее.

— Принеси кнут, — сказала она, повернувшись к Айре.

Алишера поставили на колени у края площади, в тени одной из башен. Ошейник приковали цепью к железному кольцу, вбитому в стену. Он не сопротивлялся. Замер, глядя перед собой, с тем же спокойным, почти скучающим выражением лица — будто его это не касалось.

Айра принесла хлыст.

Кожаный, сплетённый в тугую косичку, с утяжелённым наконечником. Такие хлысты оставляли глубокие рубцы и сдирали кожу до мяса, если бить в полную силу.

Эйлис взяла хлыст, взвесила на руке, сделала пробный

щелчок в воздухе

— звук получился резким, как выстрел арбалета. Она подошла к Алишеру сзади.

Лара шагнула было за ней, но Эйлис остановила её жестом:

— Я сама.

Остальные могли повредить его слишком сильно. А он был ей нужен целым — по крайней мере, до тех пор, пока она не зачнёт от него наследницу.

Эйлис размахнулась и ударила.

Первый удар пришёлся на спину — поперёк лопаток. Резкая, обжигающая боль пронзила тело Алишера, но он не шелохнулся. Только мышцы на спине напряглись, став твёрдыми, как камень.

Второй удар — ниже, по пояснице. Третий — снова по лопаткам.

Эйлис была без жалости, но с расчётом. Не слишком сильно — чтобы не сломать рёбра, не перебить позвоночник. Она не хотела калечить его. Он слишком хорошо подходил для зачатия — крупный, сильный, с правильными чертами лица. Такого самца она никогда не видела.

Ей хотелось покорить его. Сломать не тело — волю. Заставить этого гордого, наглого самца смотреть на неё снизу

вверх с мольбой.

Алишер молчал.

Он не кричал. Не стонал. Не просил пощады. Он стоял на коленях, цепь тихо позвякивала при каждом ударе, но тело его оставалось прямым. Он привык к боли. Боль была его старой знакомой — ещё с детства, когда отец учил его держать удар и не отступать перед врагом.

Кожа на спине кое-где лопнула, засочилась тонкими струйками крови. Но он не издал ни звука.

Эйлис нанесла ещё несколько ударов — уже слабее. Рука устала. А ещё потому, что внутри неё закипало нечто, похожее на уважение. Или на любопытство. Или на злость. Смесь всего сразу.

Она остановилась. Опустила хлыст.

Дыхание её было сбито — не от усталости, от напряжения. Ни один мужчина в этом лагере не выдерживал больше трёх ударов молча. Этот выдержал все. И даже не вздрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.